

Книги Алексея Пехова, Елены Бычковой,
Натали Турчаниновой
в серии

**ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК**

Алексей Пехов

**ПОД ЗНАКОМ МАНТИКОРЫ
ТЁМНЫЙ ОХОТНИК
ПЕРЕСМЕШНИК
ЛОВЦЫ УДАЧИ
ЛЕТОС**

Цикл

«ХРОНИКИ СИАЛЫ»

**КРАДУЩИЙСЯ В ТЕНИ
ДЖАНГА С ТЕНЯМИ
ВЬЮГА ТЕНЕЙ**

Цикл «ВЕТЕР И ИСКРЫ»

**ИСКАТЕЛИ ВЕТРА
ВЕТЕР ПОЛЫНИ
ЖНЕЦЫ ВЕТРА
ИСКРА И ВЕТЕР**

Цикл «СТРАЖ»

**СТРАЖ
АУТОДАФЕ
ЗОЛОТЫЕ КОСТРЫ
ПРОКЛЯТЫЙ ГОРН**

Алексей Пехов, Елена Бычкова,
Наталья Турчанинова

ШАНС

МАСТЕР СНОВ

Цикл «ЗАКЛИНАТЕЛИ»

**ЗАКЛИНАТЕЛИ
ЛОВУШКА ДЛЯ ДУХА**

Цикл

«КИНДРЭТ»

**КИНДРЭТ. КРОВНЫЕ БРАТЬЯ
КОЛДУН ИЗ КЛАНА СМЕРТИ
ОСНОВАТЕЛЬ
НОВЫЕ БОГИ**

Алексей Пехов, Андрей Егоров

ПОСЛЕДНИЙ ЗАВЕТ

Елена Бычкова, Наталья Турчанинова

ИНОГДА ОНИ УМИРАЮТ

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

АЛЕКСЕЙ ПЕХОВ,
ЕЛЕНА БЫЧКОВА,
НАТАЛЬЯ ТУРЧАНИНОВА

КИНДРЭТ. КРОВНЫЕ БРАТЯ

РОМАН

Москва, 2015
АРМАДА

&

«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
П23

Серия основана в 1992 году
Выпуск 374

Рисунок на переплете
О. Юдина
Иллюстрации
В. Бондаря, О. Юдина

Книга получила литературную премию «Странник» как лучший роман в жанре городского фэнтези 2000 — 2005 гг. на Международном конгрессе писателей в Санкт-Петербурге. Цикл «Киндрэт» вошел в число номинантов на «Книгу года» как лучшая отечественная мистика, триллер, городское фэнтези по версии журнала «Мир Фантастики», 2008, 2010.

Пехов А. Ю., Бычкова Е. А., Турчанинова Н. В.

П23 Киндрэт. Кровные братья: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2015. — 412 с.: ил.— (Фантастический боевик).

ISBN 978-5-9922-2041-4

Они управляют миром с начала времен, втягивая человечество в бесконечные войны.

Они едины лишь в одном — жажде власти и могущества.

В древности им поклонялись как богам.

Их кровь священна и проклята. И приносит бессмертие, а также — особый дар, который дает полную реализацию скрытым способностям человека...

В современной Столице их существование считают мифом или страшной сказкой, но они продолжают жить среди нас. Их время — ночь. Кровные братья приходят, чтобы убивать, ненавидеть, мстить.

Что люди смогут противопоставить им?..

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Пехов А. Ю., Бычкова Е. А.,
Турчанинова Н. В., 2013
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2005

ISBN 978-5-9922-2041-4

ПРОЛОГ

12 сентября 1977 года...

Город купался в дожде вторые сутки. Капли тихо шелетели по разбитому асфальту и робко стучались в крышу синего «бентли». Окно машины было опущено. Со стороны водителя горел красный огонек сигареты, и слышалось тихое пение радио. Автомобиль стоял в переулке практически скрытый от глаз прохожих густым покрывалом позднего вечера и дождя.

Впрочем, какие прохожие при такой погоде, в таком месте, в подобное время? Прогулки после захода солнца в районе, где нет даже фонарей, зато в больших количествах бродит всякая шваль, чреватые потерей не только кошелек, но и здоровья. Правда, любители легких денег сегодня ночью не торопились на работу и пока сидели в своих берлогах.

Неподалеку от машины темнели мусорные ящики. Один оказался перевернут, а его содержимое разбросано по асфальту.

«Колоритное зрелище. — Мужчина, сидящий за рулем, пренебрежительно стряхнул пепел на мокрую дорогу. — Отлично вписывается в окружающий пейзаж и концепцию нового молодежного движения. Как их там? Панки? Помойка — как раз место для подобного направления человеческой культуры».

Вольфгер Владислав считал, что чем дальше, тем сильнее люди сходят с ума. Придумывают что-то новое. Стараются жить так, чтобы хоть на время забыться, ощутить

свободу от всего, мешающего существовать. От законов, общества, правил, политики, морали, мнения окружающих. Силятся отринуть, взлететь над грязью, а если не получается — самим стать мусором. Быть против всего, пытаюсь тем самым почувствовать терпкий вкус жизни лишь для того, чтобы рано или поздно все равно умереть. Так было раньше, и так будет всегда. Неумолимый закон. Смерть приходит за всеми. Водитель улыбнулся. Ну... или почти за всеми.

Иногда бывают исключения.

На одном из ящиков тощая мокрая кошка поспешно выуживала из-под крышки объедки. Вольфгер сидел неподвижно уже минут пять, наблюдая за ней. Зверек чувствовал его присутствие. Поначалу даже хотел уйти, но голод оказался сильнее врожденного инстинкта самосохранения. К тому же мужчина не делал попыток напасть. Так что, поколебавшись недолго, кошка принялась за еду. Но бдительности не теряла, ела быстро, торопясь, всем своим видом показывая, что хочет убраться как можно скорее.

Едва слышный звук полицейской сирены пронзил дождливую пелену и спустя несколько секунд стих в отдалении.

В этой части города, состоящей из множества кривых улочек, дворов и тупиков, полицейские были редкостью. Ребята не любят подобные места. Слишком много работы. Слишком много проблем. Кому они нужны? Особенно при таких зарплатах. Куда уж лучше патрулировать ярко освещенные центральные проспекты столицы и не лезть в болото, из которого можно будет выкарабкаться, лишь написав груду никому не нужных рапортов.

Двадцать три тридцать восемь.

Радио и дождь пели в унисон. Джо Дассен задушевно рассказывал всему миру о том, что стало бы с ним, если бы у него «...не было тебя».

Хорошая песня.

Сигарета дотлела до конца, и Вольфгер выбросил ее в темноту за окном.

Кристоф хотел пойти с ним. Собирался. И если бы «не было ее», пошел бы точно. Но Флора прикатила на своем ядовито-красном «ягуаре», вошла в холл особняка стремительным шагом, слегка стесненным длинной узкой юбкой, окатила всех присутствующих ароматом пятой «Шанели». И на лице ученика появилось непередаваемое выражение тщательно скрываемой влюбленной дурости.

— Мэтр, вы уверены, что вас не нужно сопровождать?

— Уверен. Можешь идти. Она не будет ждать долго.

— Я могу отменить встречу.

— Не можешь. Она уже надела на тебя шлейку. Осталось пристегнуть поводок.

Кристоф улыбнулся. Похоже, его не пугала перспектива оказаться в роли преданного пса прекрасной Даханавар. Он был готов принять свою участь до конца.

— Давай, иди. Она ждет.

Флора стояла перед картиной Моне, рассматривая пейзаж со спокойным интересом. Услышала шаги, повернулась, с улыбкой протянула руку для поцелуя.

— Мое почтение, леди. Вы изумительно хороши сегодня. Впрочем, как всегда.

— Добрый вечер, неотразимый Кристоф. — Флора улыбнулась еще обворожительнее, и ее глаза цвета голубого топаза засияли лукаво. — Согласны ли вы быть моим спутником этой ночью?

Глупо было бы отказаться и предпочесть такой женщине скучную встречу и старого учителя.

Двадцать три сорок пять.

Вольфгер еще раз посмотрел на часы и позволил себе небольшое проявление чувств. Поморщился. С досадой.

Тот, кого он ждал, опаздывал, и это было так же стран-

но, как и выбранное для встречи место. Партнер всегда славился своей пунктуальностью.

Что-то случилось? Гадать и просчитывать варианты не имело резона. Сейчас дипломатические отношения слишком нестабильны. Постоянно заключаются новые альянсы и столь же часто распадаются. Предугадать невозможно. Все ищут то, что будет выгодно для своих, и пытаются побольнее уколоть соперников. Впрочем, как всегда. Мышиная возня, длящаяся уже не первый год. Но на этот раз дело кажется очень серьезным. Вольфгер начинал беспокоиться.

Джо Дассен уже давно допел свою песню, и теперь из динамиков звучал какой-то незатейливый, совершенно приторный мотивчик. Мэтр без сожаления выключил радио и стал слушать дождь. По его мнению, это было гораздо лучше и куда менее назойливо, чем современная музыка. Он не всегда ее понимал, а оттого не любил.

Вольфгер услышал шаги в тот же момент, что и кошка. Зверек оторвался от еды, наострил уши, а затем, решив не рисковать, ловко спрыгнул с мусорного бака и скрылся в подвальном окошке одного из обшарпанных домов.

Мэтр напряг глаза, пытаясь разглядеть вышедшего из подворотни, но мешал дождь. Можно было видеть лишь нечеткий силуэт. Кто именно стоит на противоположном конце короткой улочки — непонятно. Лишь в одном ошибки нет — это один из братьев. Значит, встреча все-таки состоится. Отлично.

Вольфгер недовольно нахмурился, когда понял, что опоздавший не собирается подходить к машине. Лишь махнул рукой, приглашая следовать за собой, а затем развернулся и, не оглядываясь, скрылся за углом.

Подобной наглости водитель не ожидал: «Интересно, кто этот щенок? Новичок, не знающий правил, или... Неужели ставки так высоки, что партнер боится собствен-

ной тени? Кого он может опасаться? Амира? Или солдаты Миклоша опять собираются устроить кровавую ночь?»

Мэтр задумчиво побарабанил пальцами по рулю. Хорошо. Сегодня он сделает исключение и сыграет по правилам пригласившего. Вытащив ключи из замка зажигания, бросил их в карман, взял плащ с соседнего сиденья и шагнул из машины. Дождь, как назло, усилился. Поднятый воротник оказался бесполезным. В последний раз оглядев пустую улочку, Вольфгер направился следом за «родственником».

До поворота, где тот скрылся, он дойти не успел. Люди появились внезапно. словно черти из табакерки. Семеро. Крепкие парни с оружием в руках. Мэтр не стал дожидаться, пока неизвестные выскажут ему свои пожелания. Он не собирался вести пространные разговоры под проливным дождем и тем паче выполнять чужие требования.

На какое-то мгновение Вольфгер почувствовал разочарование. Его совсем ни во что не ставят, если устраивают подобный фарс?! Да еще и с привлечением людей?! Даже опившемуся крови наркомана сыну Лигаменты стало бы понятно, что это ловушка. Лишенная смысла. Бездарная. И жалкая. Неужели это действительно инициатива тхорнисхов? Без ведома Миклоша? Тот подобной глупости никогда бы не допустил. Если бил, то наверняка. Мэтр презрительно скривил губы и щелкнул пальцами левой руки. Семеро упали как один. На мокрый, выщербленный выбоинами асфальт. В лужи. В мусор перевернутых баков.

Он не смотрел на них. Умершие от мгновенной остановки сердца не представляли никакой опасности. А вот тот, кто скрылся в проулке, заманивая его в ловушку, может причинить неприятности. Минуты сменялись минутами, но учитель Кристофа не шевелился. Ждал. Вслушивался в шелест дождя, который окончательно промочил волосы, стекал по лицу и заливался за шиворот. Лишь

спустя четверть часа мэтр позволил себе расслабиться. Похоже, тот, кто подготовил западню, понял, что затея провалилась, и убрался подобру-поздорову. Интересно, кто это был?

Вольфгер подошел к ближайшему телу, пошевелил носком ботинка зажатый в руке пистолет. И вот с помощью этого они хотели чего-то добиться? Люди воистину сходят с ума. Странно... эти парни не похожи на наемников. Не тот уровень. Слишком грязно сработано для опытных бойцов, которых нанимает Миклош. Он склонился над мертвецом.

Можно оживить его и заставить рассказать правду.

Тонкая струйка некромантической магии потекла в человека. Предельно сосредоточившись, Вольфгер наполнял своей силой мертвые клетки. Главное, случайно не повредить мозг, иначе невозможно будет получить членораздельные ответы на вопросы. Тупой зомби ему не нужен.

Работая, он продолжал интуитивно держать ситуацию под контролем, прислушиваться. Шелестел дождь, с тихим хрипом воздух вошел в легкие реанимируемого, гулко стукнуло сердце. Все спокойно. Опасности нет, но что-то продолжало смутно беспокоить. Настораживало...

Последняя мысль еще не успела оформиться в голове Вольфгера, а он уже начал действовать. Бросил себя влево и вперед, одновременно призывая «Покров Ночи». Но не успел.

Затылок обожгло морозом, и он рухнул на колени. Холод мгновенно растекся по нервам, захватив синапсы и нейроны. Сковал мышцы, парализовал тело, отрезал волю. Неизвестный враг лишил его способности использовать магию. Его поймали, как ребенка. Глупого несмышленого «птенца». Выманили, усыпили бдительность и ударили в спину. Это был единственный способ его победить. Лицом к лицу с мэтром не справился бы ни один из

Старейшин. Да и сейчас колдун чувствовал, что использованный противником «Поцелуй Медузы» был усилен — в парализующее заклинание вложил силу не один кровный брат, а несколько. Причем не самые слабые представители...

Шум приближающейся машины. Хлопок двери. Шаги по лужам.

— Заберите тело. Господина Вольфгера Владислава ждет долгое путешествие. Кто-нибудь отгоните «бентли». Желательно так, чтобы его никогда не нашли.

Мэтр ощущал полное разочарование. В первую очередь из-за собственной недалёковидности. Когда живешь слишком долго, начинаешь верить в свою неуязвимость и тогда рано или поздно совершаешь ошибку.

Спустя несколько минут на темной улице не было ни следа происшедшего. Тела убраны, машины уехали.

Снова темнота и дождь.

Голодная кошка осторожно выбралась из своего убежища, огляделась и, поняв, что опасность миновала, вновь направилась к мусорному баку.

Глава 1

СКАНЭР

Я могу выдержать грубую силу, но грубая мысль несносна. Есть что-то нечестное в ее действии. Это удар ниже интеллекта¹.

12 сентября 2004

Дарэл Даханавар

— Что, нравится? — услышал я за спиной шепот Кристофа и только хмыкнул в ответ.

Он стоял под фонарем, опираясь о перила моста, и ветер трепал его светлые волосы. Подросток лет пятнадцати, за которым я слежу уже несколько дней.

— Так в чем же дело? — снова спросил мой вездесущий, неумолимый друг. — Подойди к нему, и пошли.

— Я не уверен.

— Чуть. Иди, я подожду.

Было в этом тинейджере нечто странное. Необычное. И я никак не мог понять, что именно меня беспокоит. От него как будто тянуло свежим холодным ветром. Бриз, или поток воздуха с ледника. И дело даже не в чистоте крови, хотя я чувствовал, что она не загрязнена наркотиками, никотином или болезнью.

— Первая группа, — пробормотал Крис. — Резус положительный. — Заметил недовольство на моем лице, усмехнулся. — Не обращай внимания. Мысли вслух.

Развернулся и направился прочь по темной, продуваемой ветром улице.

Мальчишка в золотом ореоле, казалось, солнечного света поднял голову, следя за полетом белого ночного мотылька, и я поймал легкую улыбку. Она погасла, когда он увидел меня, стоящего рядом.

— Привет.

---

¹ Оскар Уайльд. Портрет Дориана Грея.

Он оглянулся как будто в растерянности. Но так и не решил — отойти ему от подозрительного незнакомца или подождать, пока тот отвяжется сам.

— Дарэл, — сказал я негромко, понимая, что начинаю ненавязчиво *замутнять* его сознание. Совсем чуть-чуть, только для того, чтобы он неожиданно почувствовал доверие ко мне.

И он не мог не ответить.

— Лориан.

Я уже слышал этот голос. В прошлое воскресенье. На Курском вокзале. Тогда он произнес всего лишь три слова: «Ботанический переулок, пожалуйста», — и желтое такси уехало.

Мальчишка представился мне интернетным ником. Настоящее имя ему, уж не знаю почему, не нравилось. Подросток считал его «дурацким». К тому же он решил, что я тоже назвал свое «сетевое» имя. Я прочитал это в его мыслях мельком, не задумываясь.

— Любишь гулять по ночам?

— Да. — Он уже начал потихоньку «привыкать» ко мне. Проходил стадию *узнавания*. По ощущениям для него это должно быть похоже на встречу с хорошо знакомым человеком.

— Приятная привычка.

Теперь мы шли рядом, от одного фонаря к другому. И наши тени, то укорачиваясь, то удлиняясь, бежали впереди. Он бросал на меня редкие любопытные взгляды, стеснялся подолгу задерживать их на моем лице, но чувствовал себя все свободнее. Естественнее. А мне можно было не смотреть на него. Я *видел* его внутренним зрением: ветер с ледника, холодный ровный поток воздуха. И свет. Слегка рассеянный свет солнечного осеннего дня.

— Зайдем?

Я указал на ярко освещенные окна популярного круглосуточного кафе и конечно же услышал в ответ:

— Зайдем.

Здесь было тепло, приглушенно играла музыка, сигаретный дым сизой полосой висел в воздухе. За дальним столиком я увидел Берта. Он был не один. Я не знал его девушку, но она улыбнулась, поднимая свой бокал, и мне показалось, что я ее уже где-то встречал.

Берт холодно кивнул в ответ на мое безмолвное приветствие и отвернулся. Другого я и не ожидал.

Лориан заметил эти многозначительные переглядывания, но ничего не сказал, лишь в глазах его вспыхнуло почти детское любопытство. Я заказал красное мартини для себя и кока-колу в высоком стакане для него. Мальчишка улыбнулся в ответ на мой выбор. Это был его любимый напиток, и все его друзья были в курсе этого.

Я поднял свой бокал.

Когда он вот так поворачивает голову, становится видна тонкая жилка, которая часто-часто бьется под кожей на шее... Мне показалось, что я чувствую аромат его крови. Губам вдруг стало горячо, и я поспешил поднести бокал ко рту, чтобы прикосновение холодного стекла остудило невыносимый жар.

Подросток смотрел в окно. На противоположную сторону улицы, где висел гигантский рекламный щит с крупной черно-белой фотографией в стиле готика. И в его чувствах зрело устойчивое сожаление. Он знал, что никогда не попадет на премьеру года, о которой сейчас кричат все афиши.

Я кивнул на плакат:

— Хочешь пойти на эту оперу?

Он глянул на меня немного насмешливо:

— Все билеты уже проданы, я узнавал в кассах. И потом, это очень дорого.

— По именному флаерсу абсолютно бесплатно. У моего хорошего друга всегда есть пара штук лишних.

— Он что, директор театра?

— Нет. Поет главную партию.

Тинейджер улыбнулся недоверчиво и произнес наставительно:

— Главную партию в «Призраке» поет Гемран Вэнс.

Но ему не удалось поймать меня на лжи. Я действительно был знаком с кумиром подростков и молодежи, знаменитым Британцем, рок-певцом. Что и сообщил мальчишке. Его лицо слегка вытянулось, глаза округлились от изумления. Меня обожгло ярким восторженным удивлением.

— Серьезно?! Ты его знаешь?! Самого Гемрана?! — Знаков восклицания в этом заявлении можно было поставить сколько угодно. — И давно?

— Достаточно давно. Если хочешь, могу познакомить и тебя.

— Еще бы! — воскликнул он громко и тут же смущенно оглянулся. Берт смотрел в свой бокал. Девушка, улыбаясь, рассматривала бармена. Никто не обращал на нас внимания. Лориан успокоился и продолжил выражать свой восторг на полтона ниже: — Я очень хочу взять у него автограф.

— Завтра, после оперы. Пойдет?

— Да. Отлично!

Он вскинул на меня взгляд, в котором горел восторг от общения с человеком, лично знакомым с «самим Гемраном Вэнсом!!». Это было забавно. Подросток оказался фэном Британца.

— Завтра вечером, без четверти восемь, я буду ждать тебя в холле.

В дымчатой синеве его глаз отразились матовые переливы неяркого света. словно от лучей заходящего солнца. Несколько мгновений я смотрел на это чудо, затем развернулся и поспешил уйти.

...Звезды гасли одна за другой. Над просыпающейся рекой струился прохладный воздух. Ночная темнота мед-

ленно катилась по прозрачному небу все дальше на запад, отступая перед восходящим солнцем...

Конечно, Кристоф не дождался меня. Но я успел. Как всегда. Первые лучи пробились из-за горизонта в тот миг, когда я закрыл за собой дверь.

Здание оперы было построено в позапрошлом веке. Массивное сооружение из серого камня, щедро украшенное колоннами, статуями и барельефами. Монументальное, холодное, величественное. Подсвеченное нежно-золотыми огнями.

Мраморный Аполлон в развевающейся тунике едва сдерживал четверку коней, готовых сорваться со ската крыши. Музы, нимфы, сатиры и менады застыли в танце вокруг солнечного бога и, казалось, готовы броситься под колеса его квадриги.

На плечах каменных танцоров, на головах лошадей сидели чайки. Их пронзительные крики перекрывали шум города, когда вся стая взмывала в воздух. Птиц нервировал белый дирижабль — он с воем летал вокруг здания, чуть покачиваясь на ветру, — яркая афиша на его боку рекламировала новую постановку Моцарта.

От реки веяло свежестью. Широкая черная лента поблескивала в свете фонарей, отражала перевернутый мост и здания набережной. Чудилось, что они плывут, дрожа в мелких волнах. Шлюзы были закрыты. Три прогулочных теплохода терпеливо стояли у ворот, дожидаясь, пока вода поднимется до нужного уровня. Играла музыка, гомонила публика, кричали чайки.

В здании оперы были люди, я ощущал их даже сквозь каменные стены. Скопление теплых огоньков. Басовито гудящий рой, в однообразном пении которого раздаются высокие голоса, похожие на вскрики речных птиц.

Лориан звучал чистой певучей нотой «соль».

Он пришел и теперь стоял в фойе возле одной из ко-

лонн. Волосы растрепанной волной метнулись по лбу, когда он нетерпеливо оглянулся, высматривая меня в толпе. Я видел, как он сжал в руке программку, свернутую трубкой, и машинально убрал непослушную прядь за ухо, уже чувствуя мой пристальный взгляд, но еще не понимая, что я смотрю на него.

Неподалеку топталась компания подростков. Все длинноногие, тонкие, нервные, развязные и неуверенные одновременно. Они то «скрежетали», словно несмазанные телеги, то их «звучание» поднималось до едва переносимого визга. Я содрогнулся внутренне и приглушил обострившуюся чувствительность.

— Лориан.

Я подошел. Как всегда — совершенно бесшумно для человеческого слуха. Он слегка вздрогнул и обернулся. На его лице промелькнула легкая неуверенность.

— Добрый вечер. Второй звонок был пару минут назад. Но я решил ждать до последнего и ни за что не упустить такой шанс. Мне бы никогда не удалось купить билет на эту оперу. А познакомиться с Гемраном вообще нереально.

Я смотрел на него и словно видел самого себя его глазами в ярком свете тысячи электрических лампочек — свое бледное лицо, свои глаза... Да, конечно, второй звонок уже прозвучал, ведь солнце сегодня опустилось за горизонт только в семь пятьдесят четыре.

— Умение логически оценить ситуацию — большое достоинство.

В ложе я сел в кресло второго ряда, чтобы видеть линию его шеи, белый воротник рубашки и сцену.

Свет погас. Раздались первые аккорды вступления. Совсем рядом, в опасной близости, я услышал громкий, восторженный стук человеческого сердца. И вновь раздалось беззвучное: «Так в чем же дело!..» Жаркое пламя коснулось моих губ, музыка застыла на одной ноте, прерва-

лось дыхание подростка, замерли в воздухе танцоры, мир остановился... Но я сильно, до боли, сжал ладонь в кулак. Так, что ногти врезались в кожу. Боль немного отрезвила, и огонь отступил. Я опять мог видеть, слышать и чувствовать не только свои желания. Снова заиграл оркестр, и тинэйджер, стряхнувший опасную «паутину», с улыбкой обернулся:

— Ну, как тебе?!

— Нравится.

В темноте зала его глаза блестели, в их глубине, доступной только моему взгляду, вспыхивали золотые лучики чистого, почти солнечного света... А я и забыл, что такое бывает. Еще где-то бывает...

Гемран, как всегда, не разочаровал своих поклонников. В роли кровожадного, но страждущего призрака он был великолепен. Сильный, низкий, чуть хрипловатый голос рок-певца вплетался в мощное пение труб органа. И у меня пробежал мороз по спине, когда со сцены звучало страстное и отчаянное: «Я жизнь свою на ноты положил...» От музыки Баха¹ начинало колотить. Слишком много правды, боли, ярких картин было скрыто в музыкальных фразах.

Пришлось закрыть глаза и снова сжать ладони в кулаки, потому что на меня хлынул поток человеческих чувств. Восторг, замороженное оцепенение, потрясение, грусть, жалкий внешний скептицизм: «слышали мы и не такое», — но под ним все то же восхищение. А рядом со мной яркое, почти слепящее изумление и счастье Лориана, очарованного волшебной музыкой и голосом. Жаль только, мальчишка не понимал итальянского, на котором Призрак пел свою арию.

---

¹ Дарэл действительно не имеет в виду знаменитую оперу Эндрю Ллойда Уэббера «Призрак оперы».

Я наклонился ближе к юному фэну и шепотом стал переводить:

Безумец я! Прозрение пришло. Покоя нет,
Лишь страсть во мне — всевластна.
Как лезвие клинка мечта была опасна:
Я жизнь свою на ноты положил.
Безумец я...

Он внимательно слушал несколько секунд, а потом вдруг мотнул головой и зашептал яростно:

— Нет! Не надо! Так хуже! Я не понимаю, но чувствую, что он говорит!

Я улыбнулся и откинулся обратно на спинку. Правда. Чувствует.

Долгая тягучая нота органа заглушила голос певца. Последние слова утонули в дрожащем минорном «фа». Мгновение зал сидел молча, словно зачарованный, а затем взорвался аплодисментами.

Лориан повернул ко мне светящееся от восторга лицо. Глаза его блестели.

— Потрясающе! Просто обалденно!

— Лориан. Мне нужно уйти.

— Что-то случилось? — Счастье и удовольствие мгновенно смыло с его лица. Он стал подниматься следом, не спуская с меня удрученного взгляда — решил, что я имею в виду уход из театра и он тоже должен покинуть гостевую ложу, а уж о знакомстве с Вэнсом можно просто забыть. Но я указал ему на прежнее место:

— Нет. Остайся здесь. Дождись меня. Я скоро вернусь.

Я возвратился в самом конце антракта. Сердце мое снова было спокойно, почти холодно. Угли недавнего пожара смиренно тлели где-то в глубине души, и возвращение к прежнему безумству казалось слишком утомительным.

Лориан не обернулся, когда я вошел в ложу, продолжая рассеянно постукивать ладонью по бортику и смотреть в зал.

— Будешь мороженое? Сливочное, с орехами и кленовым сиропом.

Подросток искоса взглянул на меня и удивленно приподнял брови, увидев в моих руках запотевший стаканчик с пластиковой ложечкой.

— Ты просто... телепат! Как ты догадался, что я смертельно хочу мороженого? Я сейчас отдам деньги.

Он потянулся к карману, но, скользнув взглядом по моему лицу, остановился:

— Дарэл, у тебя кровь. Похоже, нижняя губа рассечена...

Я прикоснулся к коже и посмотрел на кончики пальцев. На одном осталась алая капля.

— Пустяк. Прокусил, наверное.

Он посмотрел недоверчиво. Но спросил совсем не то, что хотел:

— Дать тебе платок?

Однако я опередил его:

— Нет. Спасибо. У меня есть... Ешь свое мороженое, а то растает.

В последней сцене, когда человек-призрак умирал под черную, тяжелую, мрачную музыку, Лориан сидел, сжавшись в кресле, исподлобья смотрел на сцену. И оглушал меня состраданием к выдуманному персонажу...

Занавес опустился в полной тишине. И снова овации. Распаренный, довольный Вэнс в распахнутой на груди шелковой рубаше выходил на поклон. Принимал букеты, завернутые в хрустящий целлофан, улыбался своим партнерам. Но это было «уже не то», как неожиданно почувствовал Лориан. Ему больше нравился тот одинокий, опасный Призрак, чем благополучный Британец, освещен-

ный прожекторами славы. Мальчишка не сказал мне ничего, но засомневался, хочет ли знакомиться с певцом лично. Вдруг тот окажется «совсем не таким».

— «Нельзя прикасаться к идолам, — произнес я негромко, — позолота остается на пальцах»¹.

— Что? — Тинейджер, пробирающийся между кресел к выходу, оглянулся на меня, озадаченно наморщив лоб.

— Ты все еще хочешь посмотреть на Вэнса вблизи?

— Да! Конечно! — Мимолетные сомнения были забыты. «Это же сам Вэнс!!»

Рабочие помещения оперного театра, в отличие от блистательной сцены и роскошного зала, были холодными, серыми, мрачными. Чрезмерно высокие потолки с остатками лепнины, тяжелые, скрипучие двери, сквозняки и вечные звуки нежилого, старого дома. Заглушенные закулисной суетой, они были доступны только моему обостренному слуху. Пение ветра на чердаке, потрескивание рассыхающихся деревянных панелей, возня крыс в кучах старого реквизита в подвале. Шелест, шепот, шуршание, вздохи.

Остатки давних эмоций, отголоски древних страстей. Думаю, Кристоф увидел бы здесь настоящих призраков, неуспокоенных жителей потустороннего мира. Я слышал лишь голоса, произносящие обрывки монологов, улавливал чувства. То далекие, серые, как будто присыпанные пылью, то взрывающиеся яркой жгучей болью.

Слишком долго люди жили здесь чужими чувствами, слишком правдиво страдали, любили и ненавидели — каждый вечер на сцене, каждый день в репетиционном зале и гримерных. Наверное, кое-кто из наиболее чувствительных актеров видел тут фантомы — маленьких балерин с голубоватыми от холода плечами и тонкими нога-

---

¹ Дарэл не совсем точно цитирует фразу из романа Гюстава Флобера «Госпожа Бовари».

ми, грациозных и печальных, черную сторбленную фигуру старого трагика, мелькающую в конце темного коридора. Слышал хлопки невидимых дверей и серебристую, тающую вдали, музыку.

Но сейчас никому не было дела до таинственных звуков. Опера гудела реальными живыми голосами.

Вэнс сидел в своей примерной, в компании приятелей-артистов (двоих из них я знал, третий был новеньким), пары симпатичных поклонниц и нескольких бутылок вина. Узкое, ярко освещенное помещение было заставлено корзинами цветов. Их ароматы плыли, смешиваясь с запахом человеческого пота и театрального грима. Особенно удушающе благоухали белые лилии.

Гемран больше не играл на публику, но выглядел, как всегда, эффектно. Темные, мелко вьющиеся волосы небрежными прядями спадали на широкий воротник белой рубашки, на шее серебряная цепь в палец толщиной, на ней болтается амулет непонятного назначения. Черные кожаные штаны слегка потертые, на правом колене подсыхает рисунок, сделанный красной губной помадой, — сердце, перечеркнутое колючей проволокой. Широкие скулы, тяжелый подбородок — лицо крестьянина или разнорабочего. Неуловимый взгляд.

Вэнс предпочитал смотреть в свой стакан, а не на собеседника. Но когда удавалось заглянуть в его глаза, было видно, как сияет в них яркая, переменчивая, человеческая сила. Внутренняя гениальность — так я называл про себя этот свет.

Фэриартос до сих пор не добрались до него только потому, что он не был красив. А наша богема принимала в свой клан лишь физически совершенных людей.

Лориан, слегка робея, держался позади, но успевал с любопытством озираться по сторонам.

Меня приветствовали радостными, дружелюбными возгласами. Выделили место рядом с Вэнсом, вручили

стакан с вином. Мальчишка пристроился на краешке дивана чуть дальше меня и с восторгом разглядывал своего кумира.

При ближайшем рассмотрении Британец выглядел уставшим. Вымотанным до предела, выжатым.

Вокруг глаз — темные круги, щеки запали. Тяжелые крестьянские руки устало лежали на подлокотниках кресла, как будто только что выпустив рукоять плуга. Гемран честно «отпахал» оперу и теперь отдыхал. Его не поддерживала нервная энергия, которая часто бурлит в артистах после представления. Он чувствовал усталость сразу, как только опускался занавес. Ему хотелось спать, но традиция требовала посидеть с друзьями и выпить за успешную премьеру.

— Ну как? — неопределенно поинтересовался рок-певец, внимательно рассматривая носок своего ботинка. Вопрос был обращен ко мне. Он знал, что я был на премьере, и теперь хотел услышать мое мнение.

— Отлично. Мне понравилось. Только в последнем акте ты слегка переигрываешь.

— Ха! — Сидящий напротив парень презрительно выпятил нижнюю губу. Его волосы были выкрашены в черный цвет, одежда полностью из черной кожи. — Мнение дилетанта.

Вэнс проигнорировал это высказывание, пристально взглянул на меня:

— А что зал?

— Полный восторг. Особенно в третьем акте.

Глубокая морщина на лбу певца разгладилась, он улыбнулся.

— Ерунда, — заявил все тот же скептик. — Ты сам видел реакцию зала.

— Дарэл — эмпат, — пояснил терпеливый Гемран. — Он не только видит, но еще и чувствует.

Я ощутил на себе быстрый, внимательный взгляд Лорина.

— И в чем конкретно выражается эта сверхчувствительность? — Парень в черной коже уставился на меня с недоверием. — Ты можешь почувствовать реакцию целого зала?

Кэнзо усмехнулся. Я не знал его настоящего имени, только прозвище. Он был главным исполнителем почти всех ролей героев-любовников в театре. Особым талантом не отличался, зато радовал глаз скульптурной правильностью черт лица.

— Что, лорд Вампир, не верится? — спросил он насмешливо, вытащил из ведерка со льдом бутылку с шампанским, стараясь не капнуть на брюки, отпил прямо из горлышка.

Мне показалось, я ослышался:

— Как ты его назвал?

— Лорд Вампир, — повторил Элл — бас-гитарист из группы Вэнса, показывая в улыбке чуть крупноватые, но ровные зубы. Протянул руку и забрал у приятеля бутылку. — Он гот.

Одна из девиц, блондинка в слишком узком для нее синем платье, захихикала. Другая — неестественно черная брюнетка — с обожанием смотрела на «лорда», внимая каждому его слову.

Среди моих друзей было много странных индивидов. Включая типов с весьма экзотичным разделением личности. Но с готами общаться пока не приходилось. Поэтому я с любопытством, не уступающим пытливости Лориана, уставился на новый человеческий экземпляр. Интересно, насколько серьезно его увлечение потусторонними силами?

Тот, решив, что шокировал меня, теперь с горделивым удовольствием ждал вопросов, которые обычно задают в таких случаях.

— Ты правда вампир? Настоящий?

— В нашем мире нет ничего настоящего и постоянного, — ответил он, наслаждаясь вниманием всех присутствующих. — Все относительно и временно. Да, я вампир.

Лориан рядом едва слышно скептически хмыкнул, но от комментариев вслух воздержался. Я внимательно взгляделся в готического приятеля Вэнса. Черные волосы, скорее всего крашенные, темная одежда, светлая незагорелая кожа, безграничное удовольствие от своего придуманного, эффектного образа. Ну да, и конечно же великолепные искусственные клыки, продемонстрированные мне в широкой улыбке. Образец стоматологического искусства.

— Невероятно, — произнес я задумчиво. «Вампир» был польщен моим изумлением и решил, что его оригинальность превосходит мою. — А что, кровь ты пьешь?

— Естественно, — лениво признался тот. — Время от времени это необходимо.

— И где берешь?

— Из банки с томатным соком, — снова вмешался в беседу Кэнзо, жестом велел кому-то заглянувшему в примерную из коридора закрыть дверь. — Цвет и консистенция почти одинаковые, а воображение восполнит недостающие вкус и запах.

«Вампир» раздраженно сверкнул на него глазами. Лориан и блондинка в синем платье одновременно фыркнули от смеха. А я вдруг увидел яркую картину из памяти гота. Темная кухня, горящие свечи, красные шторы на окнах. «Лорд» в бордовом халате с длинным поясом подходит к черному холодильнику, открывает дверцу и достает стеклянную банку с густой красной жидкостью. С лицом величественным и непроницаемым наполняет хрустальный кубок. Направляется в комнату. Там, среди шелковых красных подушек на кровати возлежит брюнетка в черном кружевном пеньюаре. Ее губы накрашены темно-вишневой помадой, веки покрыты черными тенями, короткие волосы, естественно, тоже черны как ночь. Она медленно протягивает руку, и «вампир» подает ей кубок с томатным соком, изображающим кровь.

Мне стало смешно. Но я вовремя успел прикусить нижнюю губу, чтобы не рассмеяться. Люди очень трепетно относятся к своим увлечениям и образу жизни. Не стоит насмехаться над тем, что им дорого. Пусть лучше этот парень играет в вампира, чем станет настоящим. Одним из тхорнисхов, например.

— Я тоже увлекаюсь готикой, — заявил неожиданно Лориан и покраснел, когда все посмотрели на него. — То есть готической музыкой. Гемран, я слушал ваш диск «Немезида». Он весь об этом.

— Я играю музыку разных направлений, — снисходительно ответил Вэнс, выслушав мальчишку.

— Кстати, — вмешался я. — Это Лориан, твой большой фанат. Дай ему автограф.

Гемран выдвинул ящик стола, возле которого сидел, с грохотом разворошил его содержимое.

— Где-то у меня был подарочный диск. А, вот.

Вытащил плоскую квадратную коробочку и маркер. Достал вкладыш из-под крышки, размашисто расписался под своей фотографией. Протянул подростку:

— Держи.

«Лориану, который любит готику так же, как и я», — прочитал надпись мой протеже и глубоко вздохнул. Восторг был полным.

— Спасибо! Это... это здорово! Я даже не думал, что когда-нибудь буду сидеть в одной комнате с самим Гемраном Вэнсом!

Он наконец произнес эту фразу вслух и покраснел еще сильнее.

— Не за что. Приходи еще, буду рад видеть. — С улыбкой отозвался рок-певец. Ему было приятно. Мое одобрение и восхищение юного фэна пришлось очень кстати, поддержав творческое вдохновение. Вещь капризную и требующую постоянного стимулирования.

Мы посидели еще минут пятнадцать, послушали болтовню музыкантов, потом попрощались и ушли. Естест-

венно, Лориан готов был провести в компании Вэнса хоть всю ночь, но меня ждали дела, да и Британец мечтал сейчас только об отдыхе после премьеры.

На улице было холодно. Ветрено. Низкие тучи затянули небо. Временами начинал накрапывать дождь. Обещанный циклон все-таки добрался до нас и накрыл город.

Мы шли до метро дворами. Здесь было тихо и безлюдно, только пару раз встретились унылые владельцы собак, вынужденные в любую погоду сопровождать своих питомцев по их неотложным делам. Люди не обратили на нас внимания, зато животные забеспокоились.

Одна из них, овчарка, зарычала на меня, вздыбив шерсть на загривке. Однако в ее голосе было больше испуга, чем грозного предупреждения. Другая — кудлатая болонка — с визгом умчалась в дальний конец двора и залилась там истеричным звонким лаем.

— А тебя собаки не любят, — задумчиво произнес Лориан. — Интересно, почему?

— Наверное, потому, что любят коты, — пошутил я. Хотя это было неправдой. Коты меня тоже боялись.

Мальчишка улыбнулся и снова задумался. Его мысли перескакивали с одной на другую. Ассоциации возникали самые дикие. Чувства тоже казались растрепанными. «Друзья обалдеют... автограф самого Вэнса... на оперу бесплатно попал, сам бы билет не купил, а в принципе какая разница... нормальный этот Дарэл, хоть и чудной. Но по крайней мере не такой, как тот гот...»

— По-моему, это глупо, — озвучил он последнюю мысль, глядя на светящиеся окна дома, мимо которого мы проходили, — считать себя вампиром.

Мне стало любопытно.

— Ты думаешь?

— Точно! Можно играть в кого-то другого. Но быть уверенным, что ты на самом деле вампир, странно. Тебе не кажется?

— Игра и реальность очень близки. — Я перешагнул через лужу, в которой отражался светящийся круг фонаря. — Ты бы удивился, если узнал, сколько людей хотят стать не теми, кем являются на самом деле. Им проще быть кем-то другим, нежели собой. Это уход от реальности, от собственного несовершенства.

Лориан подозрительно посмотрел на меня:

— Ты не психолог случайно?

— Я эмпат, ты же слышал.

— А тебя, значит, все устраивает в себе?

— Почему ты так решил?

— Выглядишь очень довольным, благополучным. И ощущение от тебя такое же. Человек, у которого все отлично.

— В твоём голосе слышится ехидство.

Он улыбнулся:

— Нет, я серьёзно. Ты очень... — Лориан задумался, подбирая нужное определение. — Беспечный, что ли.

— Проблемы есть у всех. — Ответил я резковато. Разговор о самом себе уже начал немного утомлять.

Но мальчишку это не смутило. Ему очень хотелось узнать: кто я такой, что у меня на уме и каким образом мне удалось познакомиться «с самим Вэнсом»?!

— И какие у тебя проблемы?

— Недостаток общения.

От неожиданности он едва не споткнулся:

— Это у тебя недостаток общения?!

В душе у него мелькнуло не очень приятное чувство. Подозрение, что я «выпендриваюсь» и набиваю себе цену или просто насмехаюсь над ним.

— Очень многие хотят быть не теми, кем являются. Изображают не то, что испытывают на самом деле. А я улавливаю их подлинные чувства. И знаешь, как редко удается встретить человека, у которого внешние и внутренние эмоции совпадают?

Лориан нахмурился, машинально звякая мелочью в кармане куртки:

— Ты чувствуешь это потому, что эмпат?

В его голосе звучало некоторое сомнение. Он еще не до конца поверил в мои редкие психические способности.

— Да. С тобой, например, общаться легко. Ты говоришь то же, что чувствуешь. У меня нет ощущения постоянного раздвоения, когда человек улыбается тебе, а сам испытывает глубокое отвращение.

Подросток наклонил голову, глядя себе под ноги, засунул руки глубже в карманы. Задумался. Принял мое объяснение:

— Но ведь многие понимают, когда им врут или лицемерят. И для этого вовсе не нужно обладать какими-то особыми качествами.

— Понимают. Но не *чувствуют*, как я.

Мальчишка кивнул. Это объяснение его устроило. Его не задело и не покорило мое признание собственной уникальности.

— А где ты работаешь? То есть твоя работа как-то связана с твоими способностями?

— Я консультант в одной... фирме. — Даже не соврал. Просто упростил до человеческого уровня понимания свое занятие.

— Ясно. — На самом деле ему было совсем неясно, кого и для чего я консультирую, но он посчитал невежливым расспрашивать дальше.

Следующие пять минут мы шли молча. Каждый из нас думал о своем, не испытывая ни малейшего желания посвящать в эти мысли другого. Вышли на Кутузовский проспект. Здесь дул сильный, порывистый ветер. В разрывах облаков проглядывали куски черного неба. Звезд не было видно, их затмевали огни реклам. По дороге мчались машины, с гладких полированных боков срывалась дождевая пыль.

— Тебе куда? — спросил Лориан, имея в виду метро.

— Серая ветка.

— Запишешь номер моего телефона?

— Говори, я запомню.

Он полез в карман, вытащил блестящий новенький со-
товый, нажал на несколько кнопок, продиктовал десяти-
значный набор цифр, сохранил «мою» запись.

— Ну что? Счастливо, Лориан.

— Пока. Спасибо большое за Гемрана.

— Не за что, — повторил я ответ Вэнса.

Я шел вдоль Дмитровского шоссе, рассматривая спе-
шавших навстречу прохожих. Усталые, сосредоточенные,
хмурые, счастливые, равнодушные, заинтересованные
лица. Если бы я не умел защищаться, они смели бы меня
потокком своих мыслей и эмоций.

Мне нравилось бродить по городу, среди людей. Не
глядя «выхватывать» человека из толпы и читать его эмо-
ции, видеть мир, окрашенный его чувствами. Для одного
ночь была черной, враждебной, холодной. Для другого —
мистической и романтической. Для третьего — временем
суток, которое нужно тратить только на сон или секс.

Я поднялся по узкой лестнице на железнодорожный
мост. Облокотился о перила, глядя на шоссе и пролетаю-
щие подо мной редкие автомобили. За спиной, грохоча и
обдавая жаром, пронеслась электричка. Железные ограж-
дения затряслись, передавая вибрацию моим ладоням.

А ведь, пожалуй, мне не хватало ощущения, которое
возникло в присутствии Лориана. Тепло, беззаботность.
И солнце. Я видел мир, освещенный солнцем, в его воспо-
минаниях. Очень правдоподобно. Почему-то никто из мо-
их человеческих друзей не держал в памяти блики света,
играющие на листьях, длинные лучи, тянущиеся между
стволов деревьев, черные тени от домов...

Я закрыл глаза, представляя это реальнее, и вдруг
сквозь шум очередной электрички, бормотание голосов и

гул ветра в опорах моста до меня долетел *зов*. Глухой и отчаянный вопль:

«Дарэл! Дарэл, помоги! Помоги-и!»

Машинально повернувшись в сторону, откуда прилетел крик, я произнес мысленно:

«Слышу. Кто зовет?»

«Артур... Арчи. Я в «Хамелеоне».

«Буду через... — я глянул на часы, — ...десять минут. Жди».

«Жду!» — всхлипнули в ответ.

На месте я оказался через семь с половиной минут. Улица была мне отлично знакома. На ней находились ночные клубы и бары с сомнительной репутацией. За поворотом — военное училище. И, насколько я знаю, будущие военные частенько отрывались здесь от нудной строевой службы. Я приходил сюда не чаще одного раза в две недели, чтобы поесть. В городе насчитывалось около трех десятков подобных заведений — я регулярно посещал их.

Присутствие Арчи чувствовалось по резким вспышкам паники. Я видел этого парня у Констанс. Мелькал он там последние несколько месяцев. Высокий, тощий, нескладный, нервный. Сталкиваясь со мной в коридоре, смотрел с тихим благоговением и поспешно уступал дорогу. Взгляд как у нашкодившего щенка, ожидающего трепки, постоянное желание сделать все правильно, и полное незнание, что именно — правильно. А в глубине души — хорошо скрытая злоба отчаяния.

Интересно, что натворил мой младший братец? И не вызывает вопросов, почему он не просит помощи у Констанс. Темпераментная ирландка имеет склонность жестоко наказывать за малейшую ошибку. А я слышу в клане личностью либеральной и снисходительной.

В клубе, как всегда, было шумно, полутемно и накурено до омерзения. Толкались в дверях девицы, приличные и не очень. Компания развязных молодых людей лениво переговаривалась и посматривала по сторонам с голодной жад-

ностью. Больше всего их интересовали те самые не очень приличные девицы и выпивка со скидкой, полагающейся по флаерсу. Бродили одинокие дамочки, профессия которых без труда читалась на их лицах... Еда, всего лишь еда.

По традиции на фейсконтроле ко мне опять привязалась одна из охранниц. Дважды проверила карманы и, как обычно, не нашла ничего запрещенного. Она помнила меня в лицо и искренне считала извращенцем, который приходит в клуб за удовольствиями сомнительной чистоты. Забавно было чувствовать ее брезгливое высокомерие и ехидное «все я про тебя знаю».

Кристоф никогда не ходил в подобные «клубы», его раздражала толпа, хамство охраны и музыка. Впрочем, нет, однажды мы были здесь вместе. Он с непроницаемым лицом оглядел малый зал, прошел в бар и, ничего не сказав, вышел вон.

Арчи сидел на корточках в мужском туалете, прислонившись спиной к стене, и смотрел в кафельный пол. Серые спутанные волосы свешивались на его лицо, кожаная куртка, предназначенная для того, чтобы придавать больший объем худосочной фигуре, сползла с плеч, согнутые колени торчали под острым углом, на одном — джинсы порваны. Дань моде или последствия драки. На расстроенного парня не обращали внимания. Не до него.

Под потолком висело три телевизора. На них лениво сменялись кадры старого порнографического фильма. В противоположном углу двое торопливо курили, передавая друг другу сигарету, судя по запаху дыма — с марихуаной. В одной из кабинок что-то билось о стену через равные промежутки времени, шумела вода в поломанном бачке.

Люди входили и выходили, оставляя после себя дрожащий, запутанный эмоциональный фон, от которого я постарался жестко отключиться.

— Привет.

Арчи вскинул голову, увидел меня, и глубокое отчаяние на его лице сменилось отчаянной надеждой. Вскочил, покачнулся на ногах, затекших от долгого пребывания в одной позе. Схватил меня за рукав:

— Дарэл! Как хорошо, что ты пришел!

Парни с любопытством покосились на нас, но я тут же создал легкую «завесу», и любители покурить в туалете потеряли к нам интерес. На какое-то время для людей мы перестали существовать.

— Что случилось?

Он выпустил мой рукав, сжал кулаки, шмыгнул носом:

— Я убил ее. Женщину. В «Лабиринте». Я не хотел. Это получилось случайно. Она дернулась, и я...

Он говорил с трудом, как будто выталкивая из себя слова. И смотрел на меня с ожесточением, готовый выслушать справедливые упреки и оскорбления.

— Ты уверен?

— Конечно! Да. Уверен...

Неприятно. И, главное, не вовремя. Убийство человека в общественном месте одним из даханавар. Интересно, как это отразится на тонкой межклановой политике. С самого первого дня обращения каждому из нас торжественно рассказывали историю создания имени клана в честь легендарного вампира Даханавара, самого гуманного по отношению к людям за всю историю существования киндрэт. Он скрывался в горах Армении и прославился тем, что никогда не убивал жителей подвластной ему территории — напротив, обладая нечеловеческой мощью, долгие годы защищал их, не давая врагам пройти через горное ущелье и оккупировать страну. И впоследствии нам вдалбливали эту гуманность к людям как аксиому, и ни один из моей семьи не мог безнаказанно позволить себе не только неоправданную жестокость к смертым, но даже и вполне оправданную.

Представляю довольную физиономию Амира. «Вот вы, уважаемые мормоликаи, говорите о гуманности, а сами смертных в борделях режете. Ах, это был не бордель? Ночной клуб?»...

Похоже, предвидение этих слов отразилось на моем лице или долетело отголоском до Арчи. Он снова шмыгнул носом:

— Знаю! Я не должен был! Я не хотел! Это случилось так внезапно!.. Что теперь будет?! Констанс сразу почувствует, что я убил. Мы же не должны! Не имеем права убивать. И полиция... они найдут труп и... там кругом мои отпечатки пальцев. На ее сумочке и на ожерелье. У нее на шее было такое широкое блестящее... И мой телефон. Я дал ей свою визитку. Идиот! Какой же я идиот!!

В полном отчаянии он ударил себя кулаком по лбу. Я перехватил его руку, удерживая от более серьезного членовредительства:

— Где это произошло?

— В «Лабиринте». Я же говорю. Меня теперь арестуют, да? Меня посадят? Слушай, я не могу! Я просто не могу попасть в тюрьму!!

— Успокойся!

Он вздрогнул и замолчал, напуганный моим резким криком.

— Сначала пойдем посмотрим.

— Я не пойду! Нет! Нет! Я не могу идти туда!

— Пойдешь.

И Арчи, конечно, пошел.

Я мельком взглянул на своего спутника, попытался *прочувствовать* его. С родственниками это сложнее, чем с людьми.словно темная, густая завеса окружает любого из нас, скрывая мысли и чувства. По желанию собрат может слегка раздвинуть ее, чтобы пообщаться мысленно, или, наоборот, сделать свою мысленную защиту совершенно непроницаемой.

Я умел рассеять «щит» любой степени прочности (за что меня и ценили в родном клане), но сейчас не было необходимости применять свои способности. То ли Арчи еще не умел защищаться от телепатических нападений, то ли был слишком расстроен. Едва *прикоснувшись* к нему, я ощутил его страх. Мальчишка отчаянно трусил. И непонятно, чего он боялся больше — гнева Констанс (а наши дамы-даханавар ужасны в ярости), полиции (этот страх почему-то был очень силен) или непонятных последствий нарушения Клятвы, принятой несколькими кланами еще в незапамятные времена — даханавар, кадаверциан, нософорос, лигаментиа, фэриартос и вьесчи не должны были лишать смертных жизни.

Даханавар вообще не имели права причинять людям вреда — ни физического, ни психологического. По этическим соображениям и во имя доброй славы рода.

Кадаверциан и нософорос были гуманны из чисто практических соображений — сегодня ты убиваешь, завтра тебе нечего будет есть.

Лигаментиа приняли Клятву по каким-то своим, малопонятным и сложнообъяснимым причинам, но строго соблюдали ее. До тех пор, пока были в здравом уме.

Фэриартос, как те, кто тесно связан с искусством, были слишком красивы сами и, видимо, чрезмерно эстетствовали для зрелища смерти.

«Старицы-даханавар» — как называли их саркастически члены враждебных семей — вынуждали вьесчи подчиняться Закону, пока соглашение, заключенное между нашими кланами, остается в силе. (Впрочем, никто не мог поручиться, что в один из подходящих моментов негоцианты не расторгнут стратегически выгодный союз, чтобы объединиться с кем-то другим. И тогда игра пойдет по совершенно иным правилам.)

Если же говорить о Вриколакос (которых не зря называли «серые охотники» и «носящие волчью шкуру») — те следовали только стечению обстоятельств и природной

необходимости. Спокойно отпускали живым человека, если тот не начинал сам каким-нибудь образом раздражать их. Так иногда делают сытые тигры. Но вряд ли они хоть на секунду задумывались, если жертва погибала.

Оставшиеся два клана плевали на Клятву, людей и на нас тоже.

Асиман могли бы оправдать свое равнодушие к чужим жизням научной необходимостью. Если бы захотели. Но они никогда ни перед кем не оправдывались. Им было все равно.

А Тхорнисх вообще считались выродками.

И если с первыми иногда удавалось хоть как-то договориться, то «ночные спасители», как они себя именовали¹, творили такие зверства, от которых даже у выдержанного Кристофа начиналась неконтролируемая нервная дрожь и говорить о них он мог только на старофранцузском, потому что современные языки утратили больше половины ругательств.

Об остальных четырех кланах я практически ничего не знал. Они пропали, затерялись где-то в прошлых веках. И никому сейчас не было дела до их этических представлений.

Мы вышли в коридор. Было заметно, что веселье идет на убыль. Основные огни потушили, людей осталось немного, и все уже какие-то «смазанные», оглушенные, замедленные.

В основном зале звучали слащавые легкие песенки и уныло прыгали молоденькие девчонки в компании курсантов первого года обучения. От вспышек неона под толчком у меня, как всегда, немедленно заломило зубы.

На второй танцевальной площадке пульсировала музыка потяжелее. В четырех «клетках», установленных в

---

¹ Самоназвание тхорнисхов — клан Нахтцеррет, от nacht — «ночь» (нем.) и erretten — «спасать» (нем.).

разных концах просторного помещения, довольно профессионально изгибались девушки в коротких серебристых шортиках и узких топиках. На сцене, возвышающейся в центре, по пятницам проводились пошлейшие конкурсы типа «Получи музыкальный центр, изобразив самую эротичную позу» или «Почувствуй себя трансвеститом».

А между двумя дискотечными площадками тянулся «Лабиринт». Темный коридор с неосвещенными нишами — закутками, где парочки, пришедшие в клуб, могли уединиться. На входе справа стоял охранник в черном костюме с белым пятном бейджа на груди, слева — новенький автомат, выдающий презервативы и жевательную резинку. Из темноты веяло жалкими вялыми всплесками эмоций, словно туда сползли полусонные рептилии, желая погреться друг о друга перед тем, как впасть в спячку.

Я машинально потряс головой и взглянул на хмурого Арчи, нервно покусывающего нижнюю губу.

— Там?

— Да.

— Зайду взгляну.

Но я не успел. Из «Лабиринта» вылетел такой яркий и мощный поток ужаса, что мои рецепторы парализовало на мгновение, затем раздался громкий вопль, и в зал вылетел подросток, на ходу застегивая джинсы.

— Она там! — вопил он. — Там! Мертвая! Кровь! Лежит!

И началась обычная бессмысленная человеческая паника. Беготня, крики и столпотворение.

— Ну все. — В голосе Арчи прозвучало обреченное спокойствие самоубийцы. — Мне конец.

— Пока еще нет.

Я взял его за локоть и, преодолевая легкое сопротивление, отвел подальше от входа в «Лабиринт», к углу сцены.

— Я знаю, кто мог бы тебе помочь.

Мой непутевый родственничек покосился на двух девчонок, испуганно топчущихся неподалеку, и спросил дрожащим голосом:

— Кто?!

— Некромант, естественно. А теперь помолчи немного.

Арчи испуганно замер, не зная, принимать ли мое заявление о некроманте всерьез. Я настроился, прислушался и позвал мысленно:

— Крис... Кристоф!

Целая минута ожидания и наконец:

— Дарэл?..

— Крис, мне нужна твоя помощь.

— Где ты?

— Клуб «Хамелеон».

— Еду.

Арчи, преданно заглядывающий мне в глаза, встрепенулся:

— Ну? Что?

— Ждем.

— А он точно придет?

— Обещал. А теперь расслабься и объясни, почему ты так боишься полиции?

Расслабиться у Арчи не получалось — он не сводил глаз с темного провала «Лабиринта», где лежала изуверченная им женщина, и периодически нервно вздыхал. Я видел в его воспоминании девушку с неестественно вывернутой окровавленной шеей.

— У них в картотеке есть... кое-что на меня. Я отпущен на поруки, и если на меня повесят еще и убийство...

— Ну и что?

— Дар, ты не понимаешь! Ты слишком давно не человек! Тебе все равно! Никто не знает твоего адреса, не помнит в лицо, кроме таких же, как ты! А я... родители не переживут, если узнают, что их сын — убийца!

Я взял его за плечи и развернул к себе, заглядывая не только в глаза, но и глубоко в душу.

— А что с ними будет, если они узнают, что их сын вампир? Они ведь не в курсе этого?

Арчи закусил губы. Мне показалось — еще немного и он расплачется.

— Мальчик, как же ты ухитришься скрывать?! Это просто невозможно!

— Отец часто уезжает в командировки, его подолгу не бывает дома, а мама... маме я говорю, что работаю по ночам. Я знаю, что так долго продолжаться не может, но... Дарэл, я люблю их, они же не виноваты! Я не могу бросить их!

— О да! — Я легко оттолкнул его, и парень снова прижался к стене, глядя на меня несчастными, покрасневшими глазами. — Единственное, чего я не понимаю — зачем Констанс обратила тебя.

— Я очень хороший компьютерщик, прирожденный хакер, я могу взломать любую систему. Констанс говорила, что вам это может быть очень полезно.

— Поэтому полиция интересуется тобой?

— Да. Однажды я попался случайно... Но мне удалось выкрутиться. А в этот раз... В этот раз не представляю, что будет.

— Сколько тебе лет?

— Двадцать.

— Давно ты в клане?

— Четыре месяца.

— Глупый птенец! Констанс знает, что ты продолжаешь общаться с родными?

— Я не говорил... но, наверное, она догадывается. Она сказала, что я должен забыть прежнюю жизнь, друзей, родителей, но я не могу. Не говори ей. Она очень умная, но она не поймет. А ты... я знаю, ты умеешь читать чувства. Ты же понимаешь меня?!

Сколько отчаяния и тоски! Сколько ошибок еще он наделает, пытаясь соединить две несовместимые жизни.

— Я понимаю тебя.

Пока еще понимаю, но это продлится недолго. Через несколько лет ты почувствуешь в себе силу и равнодушие к смертным, тебя начнет раздражать их неповоротливость, бессмысленная суета, их привычки и слабости, запах человеческой еды будет непереносим, а запах их крови сладок и притягателен. Тогда ты станешь достойным представителем клана, и Констанс перестанет сердиться на тебя.

— Дарэл! — Арчи дотронулся до моей руки, прерывая неприятные раздумья, и почтительно показал взглядом на высокую фигуру, приближающуюся к нам.

О легендарном Кристофе, самом могущественном колдуне из клана Кадаверциан, знали все. Мой братец-даханавар с жадным любопытством, перекрывающим даже страх за свою судьбу, рассматривал историческую личность. Забавно было читать его мысли: «Лет двадцать восемь... ну, может, тридцать. Высокий! А говорят, в древности все были низкими. Сколько же он живет? Восемь? Десять веков? Да, видно, что старый. Лицо несовременное. Как на картине... Но фигура вполне спортивная. Девушки по нему должны с ума сходить. Он, вроде, француз?.. Ну да, они все темноволосые... И у этого волосы черные. Длинные слишком. И глаза чудные... ненормально зеленые какие-то. Или это потому, что он некромант?» Арчи, снова вспомнив о «специализации» кадаверциана, непроизвольно отступил. Я усмехнулся про себя и шагнул навстречу колдуну.

— Крис! Я рад тебя видеть! Ты очень вовремя. Нам нужна помощь.

— Я понял. — Мой друг оглядывался по сторонам, на свой лад «сканируя» пространство. Он уже чувствовал знакомый запах смерти.

Арчи резко выдохнул и с отчаянной мольбой уставился на меня.

— Ты его последняя надежда, — сказал я кадаверциану. — Сделай что-нибудь, иначе у мальчика будут неприятности.

Кристоф холодно и равнодушно посмотрел на хакера, тот сжался под его взглядом и не решился вымолвить ни слова в свое оправдание.

— Крис, ради меня.

Несколько мгновений кадаверциан изучал оцепеневшего мальчишку-даханавара, потом отвернулся и сказал с прежним высокомерием в голосе:

— Только ради тебя, Дарэл... Кстати, у дверей остановились две полицейские машины в полной боевой готовности, так что можете пока придумать себе правдоподобное алиби.

— Мы не сможем сейчас подойти к телу?

Он отрицательно покачал головой, взгляд его стал пустым, безжизненным, глаза потемнели из-за расширившихся зрачков. В воздухе вдруг запахло резким и свежим запахом аниса, совершенно неуместным в прокуренном «Хамелеоне». В пальцах колдуна зашевелилось что-то. Он изо всех сил сжал этот живой комок. Прошептал над ним заклинание, потом быстро прокусил запястье и позволил нескольким каплям крови упасть в пульсирующий «огонь».

— Что ты сделал? — спросил я с любопытством.

— Сейчас увидишь. — Кадаверциан жестом заставил нас отступить дальше к стене.

А еще через мгновение полутемный коридор заполнился людьми в форме. Спокойно, по-деловому они оттеснили любопытствующих. Самый главный свидетель — все тот же мальчишка-подросток — возбужденно и, видимо, уже не в первый раз рассказывал сосредоточенному хмурому офицеру, где и как он нашел тело. Заместитель директора клуба с унылой физиономией вяло пытался объяснить назначение «Лабиринта» и с тоской оглядывался по сторонам. К нише приблизился врач.

В этот момент Кристоф приподнял ладонь. И дальше произошло невероятное. Девушка, несколько мгновений назад лежавшая в темном закутке в неестественной позе с

вывернутой шеей, приподнялась на полу, вскочила, сделала несколько шагов... И вот она уже стояла рядом с представителями власти. Живая. Более того — на ее горле и лице не оказалось ни капли крови.

— В чем дело? — резко спросила она у ошеломленного офицера полиции. — В чем дело, я вас спрашиваю?!

— Извините, барышня, — начал тот неприятное объяснение. — Нам сообщили, что вы...

— Да она была мертвая! — закричал парнишка, чувствуя, что из важного свидетеля он превращается во всеобщее посмешище. — Говорю вам, она была вся в крови и не дышала!

— Вы что, с ума посходили?! — завопила ожившая девица. (Не знаю, как при жизни, но после смерти характер у нее оказался скандальный.) — Это что, шутка такая дурацкая?! Теперь здесь принято выставлять посетителей идиотами?! Я мертвая?! — Она ухватила за руку довольно ехидно улыбающегося врача. — Потрогайте, ну что, я труп?!!

Арчи, внимательно наблюдавший за всеми присутствующими, хихикнул и с восхищением посмотрел на главного режиссера разворачивающегося скандала. Крис искося взглянул на него, едва заметно подмигнул и снова устремил свое внимание на «сцену». Девица продолжала буянить. Она требовала, чтобы врач пощупал ее пульс, тот слабо отбивался.

— Успокойтесь, мадмуазель, — уговаривал «пострадавшую» непробиваемый офицер. — Случилось недоразумение, молодому человеку показалось.

— А я что — псих?! — завелся мальчишка. — Я видел, как она лежала со сломанной шеей. Вот там! Вот так! — Он попытался изобразить, как именно лежала убитая, но его схватили за шкуру и поставили на ноги.

— Я тебе сейчас самому шею сломаю, наркоман несчастный! — взъярилась мертвая красотка, наступая на него.

Офицер побагровел, медик, равнодушно отвернувшись, искал что-то в своем портфеле, толпа росла, охрана

тщетно пыталась вытеснить любопытных, среди которых белело перекошенное лицо замдиректора, уже почувствовавшего, что весь скандал ему придется вывозить на своих плечах. И в этот самый миг Кристоф, едва заметно улыбаясь, разжал ладонь. Пульсирующее «пламя» вспыхнуло последний раз и рассеялось.

Посреди фразы «Не позволю над собой так...» девица вдруг побледнела, схватилась за сердце, мучительно повела по сторонам мутнеющим взглядом и рухнула на пол.

Толпа замерла. В полной тишине послышался резкий женский всхлип, и на меня понеслась волна многократно усиленных человеческих эмоций. Врач вмиг перестал ухмыляться и бросился к девушке. Расталкивая толпу, к ней же поспешил его помощник. Они засуетились, быстро проверили пульс, начали проводить непрямой массаж сердца и делать искусственное дыхание, но неподвижное тело не реагировало.

— Бесполезно, — сказал Кристоф, вытирая ладонь белоснежным платком. — Она мертва.

— Она мертва, — эхом отозвался запыхавшийся врач. — Остановка сердца. Он с досадой посмотрел на парнишку, затеявшего весь этот переполох. — Похоже, ты ясновидящий. Она действительно умерла.

— Они решат, что у нее было слабое сердце, — сказал Кристоф. — Идемте, нам здесь больше нечего делать.

Мы с Арчи послушно направились вслед за ним к выходу. Нас никто не остановил. Полиция была довольна тем, что все закончилось банальным несчастным случаем, дирекция счастлива, что клуб не закроют, толпа переваривала новые впечатления. Конечно, первое время никто не сунется в «Лабиринт», но постепенно трагическое происшествие забудется, и все станет как прежде.

— Спасибо, Кристоф, — неожиданно серьезно и спокойно сказал Арчи. — Ты спас меня. Просто спас. Я твой должник. Если я смогу чем-то помочь тебе...

Кадаверциан насмешливо взглянул на него, и молодой даханавар растерянно замолчал.

— Вряд ли мне когда-нибудь понадобится твоя помощь, мальчик. Это было примитивное колдовство. Оно ничего мне не стоило. Иди, и в следующий раз будь аккуратнее.

Арчи кивнул, украдкой пожал мою руку и быстро, почти бегом, скрылся в одном из темных переулков.

— Хорошая ночь сегодня, — сказал Крис, глядя на небо, чуть прикрытое легкими облаками.

— Значит, примитивное колдовство?

Я посмотрел на его запястье. Рана еще не успела затянуться, и края ее слегка кровоточили.

— Самое примитивное, Дар. — Мой друг равнодушно проводил взглядом полицейские машины, неторопливо отъезжающие от клуба.

— Но ты... ты что, вернул ее душу обратно в тело?!

Кадаверциан весело и удивленно посмотрел на меня:

— Что ты! Нет, конечно! Я же не Господь Бог, чтобы вдохнуть душу в мертвое тело. Это была просто ходячая и говорящая кукла. Я запустил ее механизм на несколько минут, а потом снова остановил его.

— А ты мог бы сделать так, чтобы она жила дольше?

— Да. Я умею делать зомби. Они будут жить, сколько понадобится, но это грязная работа. Тривиальная. Скучная. Я не получаю от нее удовольствия.

Я решил, что не испытываю желания спросить, от какой работы кадаверциан получает удовольствие.